

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343

DOI: 10.17223/22253513/37/1

В.А. Азаров, А.В. Боярская

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА: ПОНЯТИЕ, СВОЙСТВА, СИСТЕМА

Приведен анализ различных определений уголовно-процессуальной формы и сформулирована авторская позиция по рассматриваемому вопросу. Под уголовно-процессуальной формой предлагается понимать нормативную модель уголовно-процессуальной деятельности, основанную на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощающую в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса во всех возможных вариантах его реализации.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, дифференциация уголовного процесса, уголовно-процессуальное производство, особый порядок принятия судебного решения, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, сокращенное дознание.

Основной тенденцией развития отечественного уголовного процесса является его дифференциация. Предметом ее воздействия обычно называют уголовно-процессуальную форму, которая традиционно рассматривается как одна из наиболее спорных категорий, заслуживающих пристального внимания.

Для того чтобы раскрыть сущность и природу анализируемого явления, приведем подборку определений уголовно-процессуальной формы из широкого спектра имеющихся, сформулированных в научной литературе. Это позволит выделить ключевой определяющий термин или термины, посредством которых выявляется содержание исследуемой категории.

Итак, профессором М.А. Чельцовым была высказана позиция, что под процессуальной формой понимаются «порядок и условия осуществления как отдельных процессуальных действий, так и их совокупности» [1. С. 73].

В.К. Бобров определяет ее как процессуальный порядок осуществления следственных и судебных действий [2. С. 84].

Масштабное исследование понятия уголовно-процессуальной формы было произведено Н.С. Алексеевым, В.Г. Даевым, Л.Д. Кокоревым в работе «Очерк развития науки советского уголовного процесса» [3. С. 32]. В качестве основного авторы приводят определение уголовно-процессуальной формы, данное профессором М.С. Строговичем, согласно которому уголовно-процессуальная форма есть «совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокурату-

ры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности» [4. С. 51].

В качестве максимально широкого называется определение уголовно-процессуальной формы, принадлежащее Р.Д. Рахунову, который трактует ее как регламентированную законом систему судопроизводства, порядок и правила предварительного и окончательного производства по уголовному делу, форму деятельности государственных органов по реализации целей и задач социалистического уголовного права [5. С. 60].

Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев, не останавливаясь на анализе представленных в литературе дефиниций анализируемой категории, предлагают свое определение уголовно-процессуальной формы, понимаемой ими как процедура, непосредственные формы деятельности по уголовному делу [3. С. 22].

Детальный анализ категории «уголовно-процессуальная форма» был осуществлен Ю.К. Якимовичем, А.В. Ленским, Т.В. Трубниковой в работе «Дифференциация уголовного процесса» [6. С. 22–23]. Иллюстрируя концепцию, наделяющую уголовно-процессуальную форму максимально широким содержанием, исследователи традиционно ссылаются на позицию Р.Д. Рахунова. В качестве оптимального по объему называется подход такого автора, как М.Л. Якуб, у которого уголовно-процессуальная форма предстает «совокупностью процессуальных условий производства по уголовному делу в целом и каждого отдельного следственного и судебного действия» [7. С. 8]. Как наиболее узкий квалифицируется подход Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева.

Х.У. Рустамов полагает, что уголовно-процессуальная форма представляет собой систему норм, регулирующих отношения, возникающие в связи с деятельностью субъектов уголовного процесса в определенной последовательности, порядок принятия решений и условия их пересмотра [8. С. 11].

М.Е. Смирнова указывает, что «уголовно-процессуальная форма – это совокупность однородных процессуальных требований, нормативно закрепляющих образ поведения участников уголовного процесса, направленных на достижение уголовно-правового результата» [9. С. 80–81].

С точки зрения профессора А.П. Гуськовой, процессуальной формой именуются «регламентированные правом порядок и последовательность производства по делу» [10. С. 41].

В.М. Трофименко считает, что «уголовно-процессуальная форма – это совокупность закрепленных законом юридических процедур, условий и гарантий, обеспечивающих решение задач уголовного судопроизводства» [11].

Профессор А.С. Барабаш и его ученик А.А. Брестер высказываются в пользу того, что под формой уголовного процесса следует понимать «регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные для достижения целей уго-

ловного процесса. То есть выражением формы уголовного процесса как деятельности является уголовно-процессуальное право» [12. С. 34].

Д.Р. Гимазетдинов раскрывает уголовно-процессуальную форму как «внешнее выражение уголовно-процессуальной деятельности в виде установленного уголовно-процессуальным законом порядка осуществления и оформления результатов такой деятельности» [13. С. 132].

Е.В. Мищенко определяет основу уголовно-процессуальной формы как «совокупность правовых норм, регулирующих порядок осуществления процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу с учетом общих положений и принципов российского уголовного процесса», рассматривая ее как определенную уголовно-процессуальную деятельность именно по конкретному уголовному делу [14. С. 141].

В.Н. Григорьев, говоря об уголовно-процессуальной форме, отмечает: «Концепция современного уголовного процесса России заключается в том, что его назначение реализуется в процессуальной форме, которая, с одной стороны, способствует установлению действительных обстоятельств дела, а с другой – обеспечивает соблюдение прав и законных интересов граждан. Она воплощает в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью, отражает гносеологические и психологические закономерности и достижения общественной практики, включает в себя выработанные наукой и практикой наиболее эффективные и вместе с тем демократические и гуманные средства и способы установления действительных обстоятельств дела и наказания виновных» [15].

Э.Ф. Лугинец указывает, что уголовно-процессуальную форму возможно отождествить с уголовным процессом в широком смысле слова [16. С. 404].

Обобщая представленные позиции по вопросу о сущности и природе уголовно-процессуальной формы, можно прийти к выводу, что соответствующее правовое явление чаще всего определяется через такие категории, как порядок, процедура, условия, правила. Иногда она может отождествляться с системой или совокупностью уголовно-правовых норм или даже с уголовно-процессуальным правом в целом, с чем сложно согласиться. Думается, что уголовно-процессуальная форма не может быть отождествляема с самим уголовно-процессуальным правом, поскольку она является феноменом, лишь связанным с ним, но обладающим независимыми основаниями для построения своей юридической конструкции. Также спорно отождествление уголовно-процессуальной формы с уголовным процессом в целом, поскольку исследуемое явление представляет собой лишь один из аспектов уголовного судопроизводства как такового.

Для того чтобы полнее изучить сущность рассматриваемой категории, обратимся к исследованиям понятия процессуальной формы, осуществлявшимся в рамках общей теории права.

В.Н. Протасов, отрицая саму необходимость дискуссии о процессуальной форме, поскольку авторы, использующие этот термин, видят в ней лишь олицетворение таких сущностных черт процесса, как упорядоченность и организованность [17. С. 120], тем не менее сам вводит очень схожее поня-

тие – «нормативная модель юридической процедуры», раскрывая ее как программу, в соответствии с которой юридическая процедура воплощается в жизнь, как определенный порядок, алгоритм, реализация которого должна привести к желаемому результату [18. С. 24].

С точкой зрения, согласно которой следует отказаться от использования категории «процессуальная форма», сложно согласиться. Тем более что В.Н. Протасовым взамен вводится терминология, слишком сходная с им же «упраздняемой».

В рамках общей теории права профессором С.С. Алексеевым высказывается и такая позиция: «От правоприменительной деятельности как системы действий следует отличать ее процедурно-процессуальные формы. Процедурно-процессуальные формы правоприменительной деятельности выражаются в регламентированном правом порядке совершения правоприменительных действий, обеспечивающем надлежащее (правильное) применение права» [19. С. 336].

На основании изложенного, синтезируя взгляды В.Н. Протасова и С.С. Алексеева, укажем, что под уголовно-процессуальной формой следует понимать нормативную модель правоприменительной деятельности, воплощающую в себе все возможные варианты ее осуществления. Как было сказано, неверно отождествлять уголовно-процессуальную форму с совокупностью или системой уголовно-процессуальных норм, однако она все же обладает свойством нормативности. Как и уголовно-процессуальная норма, она общеобязательна, рассчитана на неопределенный круг лиц и неопределенное число случаев применения. При этом нормативность уголовно-процессуальной формы является производной и обусловлена тем, что процедурно-процессуальные формы уголовного судопроизводства устанавливаются уголовно-процессуальным законом.

Отталкиваясь от данной идеи, рассмотрим природу уголовно-процессуальной формы с точки зрения процесса ее формирования. Представим его так: законодатели создают идеальный, наиболее целесообразный, с их точки зрения, образ будущей процессуальной деятельности и, стремясь довести его до сведения правоприменителей, претворяют в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. То есть происходит формирование нормативной модели процесса, содержательно воплощающей в себе представления о должном порядке осуществления уголовного судопроизводства. И если все сведения, исходящие от законодателей и относящиеся к уголовному судопроизводству, попытаться рассмотреть как неструктурированный массив информации, то можно сказать, что он может быть упорядочен и систематизирован по-разному в зависимости от того, какая юридическая конструкция берется за основу в конкретном случае. Если в основе уголовно-процессуальный закон, то это законодательный текст, исходной единицей которого является статья [20. С. 99–105]. Если же это уголовно-процессуальное право, то информация обычно упорядочивается согласно рациональному ряду: отрасль, институт, правовая норма. Последняя имеет собственную логическую структуру: гипотеза – диспозиция –

санкция [20. С. 65–55]. Если это уголовно-процессуальная форма, то информация упорядочивается согласно элементам динамической структуры уголовного судопроизводства.

Изложенная позиция способна вызывать возражения. Так, профессор А.С. Александров указывает, что интерпретация текста закона не может быть объективной и нейтральной, так как адекватного значения текста закона не бывает [21. С. 48]. Да, действительно, «право не может существовать в отсутствие идеологического, ценностного выбора толкователя и тех, кому он адресует разъяснение текста закона» [Там же]. Однако интерпретаторами текста закона обычно выступают профессиональные юристы, чье восприятие закона предопределяется общими стандартами юридического образования и сложившейся правоприменительной практикой, стремящейся к единообразию.

Как представляется, специфичность уголовно-процессуальной формы состоит в том, что она позволяет не просто передать от законодателя правоприменителю информацию, отражающую различные параметры процессуальной деятельности, а предложить ее «разложенной» на элементы динамической структуры уголовного процесса, понимаемого как целенаправленная деятельность. Такими элементами являются производства, выделяемые по предметному признаку [22. С. 79], стадии процесса, их этапы, а также отдельные процессуальные действия. Как верно в данной связи указывает профессор М.К. Свиридов, «наличие уголовно-процессуальной формы предполагает почти детальное закрепление в законе процедуры производств, действий органов власти. Действия, не соответствующие закрепленным правилам, уничтожают юридическую значимость получаемого результата, каким бы важным он ни был по содержанию» [23. С. 88].

Продолжая свое рассуждение, вслед за В.Н. Протасовым укажем, что охватываемая схемой процессуальной формы структура уголовного судопроизводства представляет собой результат сочетания присущих юридическому процессу качеств последовательности в процедурно-правовой регламентации [18. С. 49], многовариантности и диспозитивности [Там же. С. 30–31].

Качество последовательности заключается в том, что структура системы процессуальных форм должна напоминать развитую корневую систему дерева с множеством «ответвлений». Места указанных «ответвлений» не должны быть случайными. Так, профессор Р.Д. Рахунов указывает, что именно последовательность «обеспечивает логическое развитие процесса» [24. С. 79]. Соглашаясь с данным высказыванием, отметим, что такая последовательность выражается в существовании фиксированного в рамках процесса положения уголовно-процессуальных стадий, а в их рамках – определенных процессуальных форм. Например, решение о возбуждении уголовного дела принимается после выявления необходимых для этого поводов и оснований. Привлечение же лица в качестве обвиняемого, предъявление обвинения предшествуют окончанию предварительного следствия с обвинительным заключением.

Одновременно существуют процессуальные формы, которые могут либо не применяться вообще, либо применяться в произвольной последовательности в зависимости от конкретных обстоятельств, например процессуальные формы отдельных следственных действий (освидетельствование, контроль и запись переговоров, следственный эксперимент и т.д.). Такое альтернативное применение процессуальных форм заполняет промежутки между фиксированными конструкциями исследуемой системы, формируя ее сложную структуру.

Прежде чем перейти к свойству многовариантности, присущему уголовно-процессуальной форме, сделаем небольшое отступление, весьма значимое для дальнейшего повествования.

Согласно позиции В.Н. Григорьева, в настоящее время процессуальная форма уголовного судопроизводства находится в кризисном состоянии. Избыточная криминализация все новых деяний, прослеживаемая в действующем УК РФ, приводит к перегрузке уголовно-процессуальной формы, поскольку «следователи, судьи перестают справляться надлежащим образом с тем валом дел, который на них обрушивается» [15]. Следствием изложенного является также «низведение процессуальной формы к административному регламенту» [Там же].

Представленная точка зрения вполне обоснована; отталкиваясь от нее, можно также указать, что перегруженность уголовно-процессуальной формы уместно связать с несбалансированной реализацией в ее конструкции свойств последовательности и многовариантности.

Как правило, приоритет отдается именно последовательности, а многовариантность отходит на второй план. При этом недостаточно часто встает вопрос о самой возможности сочетания отдельных уголовно-процессуальных форм. Не всегда учитывается, что процедурно-процессуальные формы досудебных и судебных производств или единых уголовно-процессуальных производств, включающих досудебную и судебную части, могут выстраиваться в определенной последовательности, налагаться друг на друга или реализовываться параллельно. Игнорирование данного обстоятельства может создавать спорные с практических и теоретических позиций ситуации. Их разрешение является принципиально значимым еще и потому, что, как отмечает Н.А. Бабенко, в настоящее время происходит латентная процессуализация всей системы российского права. По данной причине процессуальная подсистема права должна иметь четкую внутреннюю нормативную дифференциацию, «позволяющую гражданам эффективно реализовывать свои права и добросовестно выполнять обязанности» [25. С. 8].

Приведем несколько примеров, подтверждающих изложенное. Во-первых, при производстве по одному уголовному делу возможно сочетание особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, и процедуры производства по уголовным делам частного обвинения. В рассматриваемом случае, учитывая отсутствие досудебного производства по уголовным делам частного обвинения, практически полностью исключается процесс доказывания и создается возможность осуждения подсуди-

мого только лишь на основании его собственного признания. Процессуальная форма такого «двукратно упрощенного» производства законом четко не урегулирована. О том, что такое сочетание возможно, говорит упоминание о частном обвинителе в ряде статей гл. 40 УПК РФ. Например, в п. 4 ст. 314 УПК РФ частный обвинитель обозначается в качестве одного из субъектов, у которого испрашивается согласие на применение данной процедуры. Порядок применения соответствующего «смешанного» производства устанавливается непосредственно постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 05 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [26].

Полагаем, допущение подобного сочетания недостаточно обоснованно. Соглашаясь с профессором Л.В. Головкин, можно сказать, что быстрое рассмотрение дела не всегда является антиподом его качественному рассмотрению и является ценной гарантией прав личности [27. С. 236], однако в рассматриваемом случае они противоречат друг другу. Как верно указывает в данной связи О.И. Андреева, в уголовном процессе право защищать себя лично в ряде случаев может быть ограничено законом. К числу подобных ситуаций автор относит осуществление «расследования и судебного разбирательства в особом порядке (гл. 40, 40.1 УПК РФ), требующем осознанного принятия решения в силу значимости последствий такого решения» [28]. Думается, что соединение в рамках одной процедуры признаков особого порядка судебного разбирательства и производства по уголовным делам частного обвинения приводит к избыточному ограничению права на защиту.

Некоторые авторы тем не менее положительно оценивают идею формирования подобных процедур [29. С. 32–33] и вносят предложения по оптимизации их процессуальной формы. Например, они полагают целесообразным предоставить подсудимому право на заявление ходатайства о применении особого порядка принятия судебного решения в подготовительной части судебного заседания [30. С. 23–24] или признать возможным применение по соответствующим делам предварительного слушания, чтобы подсудимый в рамках последнего имел возможность заявить ходатайство о применении особого порядка судебного разбирательства [31. С. 14].

Обратимся далее к примеру сокращенного дознания, для которого характерно видоизменение процессуальной формы как досудебного, так и судебного производства.

Рассматриваемая процессуальная форма является производной от особого порядка судебного разбирательства и общей процедуры дознания. При ее формировании оказались затронуты предмет, пределы и средства доказывания.

Предмет доказывания для сокращенного дознания определен, с нашей точки зрения, противоречиво. Основываясь на положениях ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ можно заключить, что в рамках исследуемой процедуры установлению подлежат только обстоятельства, указанные в п.п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Данный вывод поддерживается А.П. Кругликовым [32. С. 47],

С.И. Гирько [33. С. 24–25], О.В. Качаловой [34. С. 70], А.А. Белавиным, С.А. Бочининым [35. С. 14]. Однако ему противоречат положения ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ. По данной причине иные исследователи высказывают альтернативную точку зрения, суть которой в том, что особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме не затрагивают положения ст. 73 УПК РФ [36. С. 163–164].

В этой связи отметим, что правоприменителю оказался ближе второй подход к обозначенной проблеме, что подтверждается п. 9 приказа Генпрокуратуры России от 3 июля 2013 г. № 262 (ред. от 29.03.2016) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме» [37], согласно которому при поступлении уголовного дела с обвинительным постановлением прокурорам следует обращать внимание на соответствие его содержания требованиям, перечисленным в п.п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ.

Относительно пределов доказывания единодушно указывается на их существенное сокращение [38, 39].

Серьезному видоизменению подвергаются и средства доказывания. Как верно отмечает О.Л. Васильев, «закон разрешает использовать в доказывании обстоятельств дела сведения, которые формально не относятся к числу доказательств в строгом смысле и при других обстоятельствах не отвечали бы требованиям допустимости» [40].

Указанный автор также обоснованно заключает, что «таким образом, законодатель совершенно формально, практически без собирания, исследования, проверки доказательств, позволяет осудить человека, в отношении которого возбуждено уголовное дело» [Там же]. Аналогичный вывод формулировался нами ранее применительно к сочетанию особого порядка принятия судебного решения и производства по уголовным делам частного обвинения.

Далее обратимся к процессуальной форме особого порядка судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Данная процедура, будучи взята как процесс рассмотрения и разрешения одного уголовного дела, включает в себя досудебную и судебную части и является также дифференцированной на всех своих этапах.

Ее специфика состоит, во-первых, в том, что в стандартный порядок производства по уголовному делу как на досудебном, так и на судебном этапе вводится новый блок уголовно-процессуальных форм, направленных, с одной стороны, на формирование, а с другой – на подтверждение наличия обстоятельств, являющихся юридическими основаниями применения упрощенной процессуальной формы судебного разбирательства.

Во-вторых, она характеризуется прямым упразднением блока традиционных процессуальных форм, относящихся к судебному следствию.

В свете сказанного возникает вопрос: данная процессуальная форма является упрощенной или усложненной? Полагаем, здесь возможны оба варианта. Первый формируется, если процедура полностью укладывается в рамки требований ст. 317.7 УПК РФ. Появление второго варианта постро-

ения исследуемой процессуальной формы связано с положениями п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 [41], согласно которому в тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий досудебного соглашения о сотрудничестве, однако суд в силу различных причин выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и переходе к общему порядку, наказание назначается по правилам ч.ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ.

И все же, полагаем, что соответствующая позиция является не совсем точной. Если при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве невозможно рассмотреть уголовное дело в упрощенном порядке, за счет преобразования предмета доказывания, произведенного еще на досудебном этапе, применяется не общий порядок судебного разбирательства, а специфический вариант дифференцированного судебного производства, предполагающий усложнение процессуальной формы.

Глава 40.1 УПК РФ дает нам еще один, наиболее актуальный пример недооценки свойства многовариантности, характерного для уголовно-процессуальной формы. Он отражен в постановлении Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» [42].

Введение особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, нацеленного на содействие обвиняемому следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступного деяния, вместе с положениями п. 4 ч. 1 ст. 54 УПК РФ о выделении в отдельное производство уголовного дела лица, в отношении которого заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, породили нового участника уголовного процесса с изначально не урегулированным уголовно-процессуальным законом статусом. Речь идет о лице, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Долгое время данная проблематика носила в большей степени теоретический характер. Однако Конституционный Суд РФ официально признал существование нового участника уголовного процесса, назвав его обвиняемым по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, допрашиваемым в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления, при этом указав, что на него не распространяются требования ст.ст. 307 и 308 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. Данное лицо не считается ни подсудимым (обвиняемым), ни свидетелем по основному уголовному делу. В настоящее время процессуальное положение указанного субъекта регламентируется предписаниями ст. 56.1 УПК РФ, введенной Федеральным законом от

30 октября 2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [43].

Как верно указывают в данной связи Е.П. и П.П. Ищенко, на фоне процессуальных форм идет борьба, «и все потуги законодателя, направленные к усовершенствованию действующего законодательства, порождают новые или изменяют существующие процессуальные формы, процедуры и статусы» [44. С. 232].

Полагаем, изложенное, наряду с иными негативными тенденциями, позволяет профессору Л.В. Головки обоснованно отмечать, что «развитие российского законодательства в области уголовного права и процесса на самом деле испытывает в последние годы подлинный кризис, выхода из которого пока не видно» [45].

Для того чтобы не усугублять проявления данного кризиса, следует более внимательно относиться к свойству многовариантности, присущему уголовно-процессуальной форме, и осуществлять упрощение уголовного судопроизводства таким образом, чтобы оно не переходило в упрощенчество [46. С. 108]. В целом создание и реформирование упрощенных досудебных и судебных производств целесообразно производить лишь в определенных рамках, что отмечается целым рядом авторов, обзор позиций которых приводит в своей работе Т.В. Трубникова [47. С. 132–133]. Подобной позиции придерживаются и авторы данной статьи.

На основании изложенного сформулируем следующие выводы.

1. Под уголовно-процессуальной формой следует понимать нормативную модель уголовно-процессуальной деятельности, основанную на динамической структуре уголовного судопроизводства и воплощающую в себе предписания о должном порядке осуществления уголовного процесса во всех возможных вариантах его реализации.

2. Уголовно-процессуальная форма представляет собой многоуровневую сложноорганизованную систему. Структура системы уголовно-процессуальных форм зависит от полноты реализации в ней взаимодополняющих свойств – последовательности и многовариантности.

Недооценка свойства многовариантности, присущего уголовно-процессуальной форме, порождает проблему комбинаторики (сочетания) отдельных элементов системы уголовно-процессуальных форм. Осуществляемые в общем порядке и дифференцированные уголовно-процессуальные производства, их досудебная и судебная части могут налагаться друг на друга, выстраиваться последовательно, образуя различные комбинации, либо реализовываться параллельно.

3. Сочетание отдельных компонентов системы уголовно-процессуальных форм следует осуществлять в соответствии со следующими правилами:

– в уголовно-процессуальном производстве должно быть не менее одного полного доказательственного цикла, включающего в себя все элементы процесса доказывания;

– наложение или последовательная реализация уголовно-процессуальных форм, упрощающих одновременно досудебное и судебное производство,

должны считаться недопустимыми; особое внимание следует обращать на исключение случаев образования «двукратно упрощенных» уголовно-процессуальных форм;

– вводя в систему процессуальных форм новое дифференцированное производство, законодателю следует четко определять свойства и варианты его юридической конструкции (усложненное или упрощенное), а также предусмотреть все возможные способы его сочетания и взаимодействия с иными процедурно-процессуальными формами.

Литература

1. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1962. 503 с.
2. Бобров В.К. К исследованию процессуальной формы в уголовном процессе // Правоведение. 1974. № 2. С. 77–84.
3. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 251 с.
4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. 470 с.
5. Рахунов Р.Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 60–68.
6. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М.К. Свиридова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.
7. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. лит., 1981. 144 с.
8. Рустапов Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 40 с.
9. Смирнова М.Е. К вопросу дифференциации уголовно-процессуальной формы в особом производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2. С. 79–85.
10. Гуськова А.П. Уголовно-процессуальная форма и ее значение в становлении уголовного судопроизводства охранительного типа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3. С. 41–44.
11. Трофименко В.М. Процессуальная форма: сущность и значение в уголовном судопроизводстве. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-forma-suschnost-i-znachenie-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-1> (дата обращения: 27.06.2019)
12. Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. 218 с.
13. Гимазетдинов Д.Р. Понятие, социальная ценность и значение уголовно-процессуальной формы // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 1. С. 131–133.
14. Мищенко Е.В. О сущности и свойствах уголовно-процессуальной формы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3. С. 140–144.
15. Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 116–122.
16. Лугинец Э.Ф. Стратегия развития уголовно-процессуальной формы // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 404–409.
17. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М. : Юрид. лит., 1991. 143 с.
18. Протасов В.Н. Юридическая процедура. М. : Юрид. лит., 1991. 79 с.
19. Алексеев С.С. Общая теория права. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

20. Алексеев С.С. Право: азбука–теория–философия : опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
21. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 650 с.
22. Теория юридического процесса / под общей ред. В.М. Горшенева. Харьков : Вища школа, 1985. 192 с.
23. Свиридов М.К. Судебная власть, ее проявление в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 86–93. DOI: 10.17223/22253513/27/9.
24. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М. : Госюриздат, 1961. 277 с.
25. Бабенко Н.А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с.
26. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 // Российская газета. 2006. 20 дек.
27. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
28. Андреева О.И. Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и неиллюзорным // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 10–14.
29. Головинская И.В. Мировая юстиция: концепция совершенствования уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2008. 53 с.
30. Талышева З.З. Особенности уголовного производства по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008. 35 с.
31. Белоковыльский М.С., Деметьева М.Ю. Возможно ли проведение предварительного слушания при рассмотрении уголовных дел частного обвинения? // Мировой судья. 2008. № 10. С. 11–15.
32. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–50.
33. Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. 2014. № 5. С. 22–27.
34. Качалова О.В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах // Lex Russica. 2015. № 11. С. 65–74. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.108.11.065-074.
35. Белавин А.А., Бочинин С.А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. 2016. № 13. С. 12–17.
36. Дворянкина Т.С. Сокращает ли расследование сокращенное дознание? // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 161–165.
37. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме : приказ Генпрокуратуры России от 03.07.2013 № 262 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Версия Проф. М., 1992–2019. Доступ из локальной сети Омск. гос. ун-та.
38. Зотов Д.В. Роль «пределов доказывания» в системе уголовно-процессуального познания // Мировой судья. 2016. № 6. С. 15–19.
39. Мичурина О.В., Химичева О.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Российский следователь. 2016. № 5. С. 18–22.
40. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. М. : Статут, 2016 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Постатейные комментарии и книги. М., 1992–2019. Доступ из локальной сети Омск. гос. ун-та.

41. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9. С. 22.

42. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Российская газета. 2016. 4 авг.

43. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ // Российская газета. 2018. 2 ноября.

44. Ищенко П.П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex Russica. 2016. № 9. С. 230–241. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.118.9.230-241.

45. Головкин Л.В. Необходимость принятия организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Закон. 2012. № 9. С. 70–82.

46. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2. С. 105–108.

47. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.131-139.

Azarov Vladimir A., Boyarskaya Alexandra V., Omsk State University (Omsk, Russian Federation)

CRIMINAL PROCEDURE FORM: CONCEPT, PROPERTIES, SYSTEM

Keywords: criminal-procedural form, differentiation of criminal procedure, criminal procedure, the special procedure of judicial decision-making, the special procedure of trial under the pre-trial cooperation agreement, abbreviated inquiry.

DOI: 10.17223/22253513/37/1

The article provides the analysis of various definitions of the criminal procedure form and formulates the authors' position on the issue, based on the properties and the process of forming the legal phenomenon under study. It is proposed to understand the criminal procedure as the normative model of criminal procedure based on the dynamic structure of criminal proceedings and embodying the instructions on the due order of criminal proceedings in all possible ways of its implementation.

Consistency and multi variance are examined in the given article as essential properties of the criminal-procedure form. The authors draw attention to the fact that, as a rule, priority is given to consistency while multivariance takes a back seat. At the same time, the question of the possibility of combining individual criminal-procedure forms often arises. It is concluded that legislators significantly underestimate the characteristic of multivariance, that in light of the tendency to deepen differentiation of the criminal procedure creates the problem of the combination of individual elements within the system of criminal-procedure forms.

Conventional and differentiated criminal-procedure proceedings, their pre-trial and judicial parts, can overlap each other, line up consistently, forming different combinations, or be implemented in parallel. Specific examples of such combinations in the form of criminal proceedings of private prosecution, with the use of a special procedure of trial, abbreviated inquiry, the special procedure of trial under a pre-trial cooperation agreement are considered.

The authors conclude that the combination of individual components of the criminal procedure system should be implemented under some general rules. First, there must be at least one full-time evidence cycle in criminal proceedings, including all elements of proving. Secondly, the imposition or consistent implementation of criminal-procedure forms that simplify both

pre-trial and judicial proceedings should be considered unacceptable. Particular attention should be paid to the exclusion of cases of the formation of "twice simplified" criminal-procedure forms, which allow the conviction of a person only based on his guilty plea. Thirdly, when introducing a new differentiated production into the procedural forms, the properties and options of its legal design (complicated or simplified), as well as all possible ways of combining it and interacting with other procedural forms should be clearly defined.

References

1. Cheltsov-Bebutov, M.A. (1962) *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [Soviet Criminal Procedure]. 4th ed. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
2. Bobrov, V.K. (1974) K issledovaniyu protsessual'noy formy v ugolovnom protsesse [On the study of the procedural form in the criminal process]. *Pravovedenie*. 2. pp. 77–84.
3. Alekseev, N.S., Daev, V.G. & Kokorev, L.D. (1980) *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Essay on the development of the Soviet criminal process]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Soviet Criminal Procedure]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
5. Rakhunov, R.D. (1975) Differentsiatsiya ugolovno-protsessual'noy formy po delam o ma-loznachitel'nykh prestupleniyakh [Differentiation of the criminal procedural form in cases of minor crimes]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 60–68.
6. Yakimovich, Yu.K., Lensky, A.V. & Trubnikova, T.V. (2001) *Differentsiatsiya ugolovnogo protsessa* [Differentiation of the Criminal Process]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Yakub, M.L. (1981) *Protsessual'naya forma v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve* [The procedural form in Soviet criminal proceedings]. Moscow: Yurid. lit.
8. Rustamov, Kh.U. (1998) *Differentsiatsiya form ugolovnogo protsessa (sovremennye tendentsii i problemy sovershenstvovaniya)* [Differentiation of forms of criminal procedure (modern trends and problems of improvement)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
9. Smirnova, M.E. (2009) K voprosu differentsiatsii ugolovno-protsessual'noy formy v osobom proizvodstve o primeneniі prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera [On the differentiation of the criminal procedure form in special proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 2. pp. 79–85.
10. Guskova, A.P. (2012) Ugolovno-protsessual'naya forma i ee znachenie v stanovlenii ugolovnogo sudoproizvodstva okhranitel'nogo tipa [Criminal procedure form and its significance in the formation of protective-type criminal proceedings]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 3. pp. 41–44.
11. Trofimenko, V.M. (n.d.) *Protsessual'naya forma: sushchnost' i znachenie v ugolovnom sudoproizvodstve* [Procedural form: essence and meaning in criminal trial]. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-forma-suschnost-i-znachenie-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-1> (Accessed: 27th June 2019).
12. Barabash, A.S. & Brester, A.A. (2013) *Metod rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The method of the Russian criminal procedure]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
13. Gimazetdinov, D.R. (2013) Ponyatie, sotsial'naya tsennost' i znachenie ugolovno-protsessual'noy formy [Concept, social value and significance of the criminal-procedural form]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 1. pp. 131–133.
14. Mishchenko, E.V. (2013) O sushchnosti i svoystvakh ugolovno-protsessual'noy formy [On the essence and properties of the criminal procedure form]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 140–144.
15. Grigoriev, V.N. (2015) Femida v poiskakh udobnoy formy (o nekotorykh sovremennykh tendentsiyakh v razvitiі ugolovno-protsessual'noy formy) [Themis in search of a convenient form (about some modern trends in the development of the criminal procedure form)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 12. pp. 116–122.

16. Luginets, E.F. (2015) Strategiya razvitiya ugovolno-protsessual'noy formy [Development strategy of criminal procedure form]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 9. pp. 404–409.
17. Protasov, V.N. (1991a) *Osnovy obshchepravovoy protsessual'noy teorii* [Foundations of general legal procedural theory]. Moscow: Yurid. lit.
18. Protasov, V.N. (1991b) *Yuridicheskaya protsedura* [Legal procedure]. Moscow: Yurid. lit.
19. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
20. Alekseev, S.S. (1999) *Pravo: azbuka–teoriya–filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of Complex Research]. Moscow: Statut.
21. Aleksandrov, A.S. (2003) *Yazyk ugovolnogo sudoproizvodstva* [Language of Criminal Proceedings]. Law Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
22. Gorshenev, V.M. (1985) *Teoriya yuridicheskogo protsessa* [Theory of Legal Process]. Kharkov: Vishcha shkola.
23. Sviridov, M.K. (2018) Judicial authority and its manifestation in criminal trials. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 27. pp. 86–93. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/27/9.
24. Rakhunov, R.D. (1961) *Uchastniki ugovolno-protsessual'noy deyatel'nosti po sovetскому праву* [Participants in criminal procedural activities under Soviet law]. Moscow: Gosyurizdat.
25. Babenko, N.A. (2013) *Sootnoshenie material'nykh i protsessual'nykh norm v sisteme rossiyskogo prava* [The correlation of material and procedural norms in the system of Russian law]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
26. The Supreme Court of the Russian Federation. (2006) O primeneniі sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva ugovolnykh del: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 05.12.2006 № 60 [On the application by the courts of a special procedure for judicial proceedings in criminal cases: Resolution No. 60 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 5, 2006]. *Rossiyskaya gazeta*. 20th December.
27. Golovko, L.V. (2002) *Al'ternativy ugovolnomu presledovaniyu v sovremennom prave* [Alternatives to criminal prosecution in modern law]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
28. Andreeva, O.I. (2016) Pravo na zashchitu dolzhno byt' real'nym, prakticheski osushchestvimym i neillyuzornym [The right to defense must be real, practically feasible and non-illusory]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 10–14.
29. Golovinskaya, I.V. (2008) *Mirovaya yustitsiya: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva* [World justice: the concept of improving the criminal justice]. Abstract of Law Dr. Diss. Vladimir.
30. Talyneva, Z.Z. (2008) *Osobennosti ugovolnogo proizvodstva po delam chastnogo obvineniya* [Specificity of criminal proceedings in cases of private accusation]. Abstract of Law Cand. Diss. Ufa.
31. Belokovylsky, M.S. & Dementieva, M.Yu. (2008) Vozmozhno li provedenie predvaritel'nogo slushaniya pri rassmotrenii ugovolnykh del chastnogo obvineniya? [Is it possible to conduct a preliminary hearing when considering criminal cases of a private prosecution?]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 10. pp. 11–15.
32. Kruglikov, A.P. (2013) Addition of the code, a new Chapter of inquiry in an abbreviated form, and some problems of differentiation of criminal proceedings. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 45–50. (In Russian).
33. Girko, S.I. (2014) Do forecasts and anticipations regarding perspectives of the inquiry in a short form come true? *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 22–27. (In Russian).
34. Kachalova, O.V. (2015) Realizatsiya printsipov ugovolno-protsessual'nogo prava pri uskorennykh proizvodstvakh [Implementation of the principles of criminal procedure law in accelerated proceedings]. *Lex Russica*. 11. pp. 65–74. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.108.11.065-074

35. Belavin, A.A. & Bochinin, S.A. (2016) Problems of abridged form of inquest. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 13. pp. 12–17. (In Russian).
36. Dvoryankina, T.S. (2015) Sokrashchaet li rassledovanie sokrashchennoe doznanie? [Does an abridged inquiry reduce the investigation?]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 8. pp. 161–165.
37. The Prosecutor General's Office of Russia. (2013) *On the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws in an abridged inquiry: Order No. 262 of the Prosecutor General's Office of Russia dated July 3, 2013*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152332/. (In Russian).
38. Zotov, D.V. (2016) Role of “Evidence Limits” in the System of Criminal Procedure Investigation. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 6. pp. 15–19. (In Russian).
39. Michurina, O.V. & Khimicheva, O.V. (2016) Fact and limits of proof during an inquiry in the reduced form: intention of the legislator and practical result. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 18–22. (In Russian).
40. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugovnogo protsesssa* [The Course of Criminal Procedure]. Moscow: Statut.
41. The Supreme Court of the Russian Federation. (2012) On the practice of applying by courts a special procedure for judicial proceedings in criminal cases when concluding a pre-trial agreement on cooperation: Resolution No. 16 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 9. pp. 22. (In Russian).
42. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) On checking the constitutionality of the provisions of Parts Two and Eight of Article 56, Part Two of Article 278 and Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen D.V. Usenko: Resolution No. 17-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2016. *Rossiyskaya gazeta*. 4th August. (In Russian).
43. The Russian Federation. (2018) O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 30.10.2018 № 376-FZ [On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 376-FZ of October 30, 2018]. *Rossiyskaya gazeta*. 2nd November.
44. Ishchenko, P.P. & Ishchenko, E.P. (2016) Key Issues of Criminal Proceedings. *Lex Russica*. 9. pp. 230–241. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.118.9.230-241
45. Golovko, L.V. (2012) Neobkhodimost' prinyatiya organizatsionnykh mer po preodoleniyu negativnykh tendentsiy razvitiya ugovnogo i ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [The need to take organizational measures to overcome negative trends in the development of criminal and criminal procedure legislation]. *Zakon*. 9. pp. 70–82.
46. Yakimovich, Yu.K. (2014) Differentiation of criminal procedure should have reasonable limits and shouldn't lead to simplification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2. pp. 105–108. (In Russian).
47. Trubnikova, T.V. (2015) Predely uproshcheniya ugovnogo protsesssa [Limits of the criminal procedure simplification]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 12. pp. 131–139. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.131-139